

К молитве нужно относиться творчески
Протоиерей Максим Козлов
(Из интервью сайту «Православие и мир»)

В том виде, в каком молитвенное правило печатается сейчас в наших молитвословах, его не знают другие Поместные Церкви, кроме тех славянских Церквей, которые в свое время стали ориентироваться на церковную печать Российской империи и де-факто заимствовали наши богослужебные книги и соответствующие печатные тексты. В греко-говорящих Православных Церквях мы подобного не увидим. Там в качестве утренних и вечерних молитв для мирян рекомендуется такая схема: вечером — сокращение повечерия и некоторых элементов вечерни, а в качестве утренних молитв — неизменяемые части, заимствованные из полунощницы и утрени.

Если мы посмотрим на традицию, зафиксированную по историческим меркам сравнительно недавно — например, откроем «Домострой» протопопа Сильвестра — то мы увидим почти до фантастичности идеальную русскую семью. Задача была дать некий образец для подражания. Такая семья, будучи грамотной по представлению Сильвестра, вычитывает последование вечерни и утрени дома, ставши перед иконами вместе с домочадцами и слугами.

Если мы обратим внимание на монашеское, священническое правило, известное мирянам по подготовке к принятию Святых Христовых Таин, то мы увидим те же три канона, что вычитываются на малом повечерии.

Собрание молитв под числами возникло достаточно поздно. Первый известный нам текст — это «Подорожная книжица» Франциска Скорины, и на сегодня у литургистов нет однозначного мнения, когда и почему такое собрание было сделано. Мое предположение (его нельзя считать окончательным утверждением) таково: эти тексты впервые у нас появились на юго-западной Руси, в волостях, где было очень сильное униатское влияние и контакты с униатами. Скорее всего, имеет место если не прямое заимствование от униатов, то определенного рода заимствование богослужебной и аскетической логики, свойственной на тот момент католической церкви, отчетливо делившей свой состав на две категории: церковь учащих и церковь учащихся. Для мирян предлагались тексты, которые должны были быть отличными от текстов, вычитываемых духовенством, учитывая иной образовательный уровень и внутрицерковный статус мирянина.

Кстати, в некоторых молитвословах XVIII-XIX столетия мы видим еще рецидив того сознания (сейчас это не перепечатывается, а в дореволюционных книгах можно найти): скажем, молитвы, которые христианин может читать на литургии во время первого антифона; молитвы и чувствования, которые христианин должен прочитать и пережить во время малого входа... Что это как не некий аналог для мирянина тех тайных молитв, которые священник прочитывает во время соответствующих частей литургии, но только отнесенные уже не к священнослужителю, а к мирянину? Я думаю, что плодом того периода истории нашей Церкви и явилось возникновение сегодняшнего молитвенного правила.

Ну а повсеместное распространение в том виде, в каком оно есть сейчас, молитвенное правило получило уже в синодальную эпоху в XVIII-XIX столетии и постепенно утвердилось как общепринятая норма для мирян. Трудно сказать, в какой именно год, в какое десятилетие это случилось. Если мы почитаем поучение о молитве наших авторитетных учителей и отцов XIX столетия, то никаких разборов, рассуждений об

утреннем-вечернем правиле ни у святителя Феофана, ни у святителя Филарета, ни у святителя Игнатия мы не найдем.

Так что с одной стороны признавая существующее молитвенное правило вот уже несколько веков употребляемым в пределах Русской Церкви и в этом смысле ставшим отчасти неписаной, отчасти писаной нормой нашей духовно-аскетической и духовно-молитвенной жизни, мы не должны и слишком завышать статус сегодняшних молитвословов и даваемых в них молитвенных текстов как единственной возможной нормы устройства молитвенной жизни.

В том виде, в каком они есть, утренние и вечерние молитвы находятся в некотором несоответствии принципу построения православного богослужения, в котором соединяются, как все мы хорошо знаем, изменяемая и неизменяемая часть. При этом среди изменяемых частей есть повторяемые — ежедневно, еженедельно, раз в год — круги богослужения: суточный, седмичный и годичный. Этот принцип соединения твердого неизменного костяка, скелета, на который все наращивается, и варьируемых, изменяемых частей очень мудро устроен и соответствует самому принципу человеческой психологии: ей, с одной стороны, необходима норма, устав, а с другой — вариативность, чтобы устав не превратился в формальное вычитывание, повторение текстов, не вызывающих уже никакого внутреннего отклика. И тут как раз есть проблемы с молитвенным правилом, где одни и те же тексты утром и вечером.

При подготовке к Причастию у мирян имеют место три одних и тех же канона. Даже в священническом приготовлении каноны различны по седмицам. Если открыть служебник, то там сказано, что в каждый день недели вычитываются свои каноны. А у мирян правило неизменно. И что, всю жизнь читать только его? Понятно, что будут возникать определенного рода проблемы.

Святитель Феофан дает совет, которому в свое время я очень порадовался. Я сам и другие известные мне люди нашли для себя в этом совете много духовной пользы. Он советует при чтении молитвенного правила для борьбы с холодностью и сухостью сколько-то раз в неделю, заметив стандартный хронологический промежуток, уходящий на чтение обычного правила, попытаться в те же пятнадцать-двадцать минут, полчаса не ставить себе задачу непременно все прочитать, но многократно возвращаясь к тому месту, с которого мы отвлеклись или ушли мыслью в сторону, добиваться предельного сосредоточения на словах и смысле молитвы. Хоть бы в те же двадцать минут мы прочитали только начальные молитвы, но зато учились бы делать это по-настоящему. При этом святитель не говорит, что вообще нужно перейти на такой подход. А говорит, что нужно соединять: в какие-то дни целиком читать правило, а в какие-то — таким образом молиться.

Если взять за основу церковно-богослужебный принцип построения молитвенной жизни, разумно было бы или соединять, или частично заменять те или иные составляющие утреннего и вечернего правила на, предположим, каноны, которые есть в каноннике — там их явно больше, чем в молитвослове. Есть совершенно дивные, удивительные, прекрасные, восходящие в значительной части к преподобному Иоанну Дамаскину молитвословия Октоиха. Готовясь к Причастию в воскресный день, почему бы не прочитать тот Богородичный канон или тот воскресный канон к Кресту Христову или Воскресения, которое есть в Октоихе? Или взять, скажем, канон Ангелу Хранителю соответствующего гласа из Октоиха, чем один и тот же, который предлагается на протяжении многих лет читать человеку.

Для многих из нас в день принятия святых Христовых Таин, особенно для мирян, независимо от частоты причащения, душа, а не леность пододвигает человека скорее искать благодарение Богу в тот день, чем вновь повторить вечером слова, что «согреших, беззаконновах» и так далее. Когда все в нас еще полно благодарности Богу за принятие Святых Христовых Таин, ну что бы, к примеру, не взять то или иное акафистное пение или, скажем, акафист Иисусу Сладчайшему, или какое-то другое молитвословие и не сделать его центром своего молитвенного правила на этот день?

Вообще-то к молитве, скажу такое страшное словосочетание, нужно относиться творчески. Нельзя ее засушивать до уровня формально исполняемой схемы: иметь, с одной стороны, тяготу от того, что эту схему приходится день за днем, год за годом исполнять, а с другой стороны — какое-то периодическое внутреннее удовлетворение от того, что я должное исполняю, и чего вы там на небе от меня еще хотите, я же и так сделал, не без труда, то, что полагается. Молитву нельзя превращать в вычитывание и исполнение только обязанности, и считать — вот у меня нет дара молитвы, я человек маленький, святые отцы, аскеты, мистики молились, ну а мы уж так побредем по молитвослову — и спроса-то никакого нет.

Если у христианина есть духовник, с которым он определяет константы своего внутреннего духовного строя, то абсурдно было бы обойтись в данном случае без него, и самому, только своей головой решить, что делать. Мы изначально предполагаем, что духовник — это человек как минимум не менее опытный в духовной жизни, чем тот, кто к нему обращается, а в большинстве случаев несколько более опытный. И вообще — одна голова хорошо, а две лучше. Со стороны виднее то, что человек, даже разумный во многих отношениях, может не заметить. Поэтому благоразумно при определении чего-то, что мы стремимся сделать постоянным, посоветоваться с духовником.

Но на всякое движение души не насоветуешься. И если сегодня захотелось открыть Псалтырь — не в плане регулярного чтения, а просто открыть и добавить к своему обычному молитвенному деланию псалмы царя Давида — не звонить же батюшке? Другое дело, если хочешь начать читать кафизмы вместе с молитвенным правилом. Тогда нужно посоветоваться и брать на это благословение, а священник, исходя из того, готов ли ты, поможет тебе советом. Ну а на просто естественные движения души — тут уж как-то самому нужно решать.

Не стоит опускать без нужды начальные молитвы, потому что в них есть, может быть, самый концентрированный опыт Церкви — «Царю Небесный», «Пресвятая Троице», кто научил нас молитве «Отче наш» мы и так знаем, «Достойно есть» или «Богородице Дево радуйся» — их так немного, и они настолько очевидно избраны молитвенным опытом Церкви. Устав нам и так иной раз предлагает от них воздержаться. «Царю Небесный» — мы ждем 50 дней до праздника Пятидесятницы, на Светлой Седмике у нас вообще особенное молитвенное правило. Не понимаю логики этого отказа.

Никто не призывает нас ограничиться только утренним или вечерним правилом. Апостол Павел прямо говорит — непрестанно молитесь. Задача доброго устройства молитвенной жизни подразумевает, что христианин стремится в течение дня о Боге не забывать, в том числе и не забывать молитвенно. В нашей жизни есть много ситуаций, когда молитву можно в себе развивать отчетливым образом. Но с нежеланием встать и помолиться именно тогда, когда это предполагается долгом, нужно бороться, потому что, как мы знаем, враг рода человеческого там особенно противится, когда нет нашего самохотения. То легко делается, что делается, когда я хочу. Но то становится подвигом, что я должен делать вне зависимости от того, хочу или не хочу. Поэтому я бы советовал не

отказываться от усилий поставлять себя на утренние и вечерние молитвы. Размер ее — другое дело, особенно, например, у матери с детьми. Но она должна быть, как некая постоянная величина молитвенного устройства.

Сейчас для большинства из нас есть великолепная школа молитвы — это дорога. Каждый из нас ездит на учебу, на работу в общественном транспорте, в автомобиле. Молись! Не трать время впустую, не включай ненужное радио. И это будет школой молитвы.